

Вера Геннадьевна Тимофеева — кандидат филологических наук, заслуженный учитель РФ, учитель русского языка и литературы МБОУ Лицей № 8. Публиковалась в журнале «Подъём», в «Литературной газете», «Учительской газете», в научных сборниках по материалам вузовских конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже. Автор программы спецкурса и монографии-пособия для учителей и учащихся «История русской мысли и русская литература». Живет в Воронеже.

Вера Тимофеева

ОТ ФОНАРЯ ДО ФИНАЛА,

или
**Рукопись,
найденная в подвале
гильдии дератизаторов**

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Эта история сложилась очень давно и совершенно случайно. Сын моих друзей делал вместе с приятелем компьютерную игру и попросил меня написать им сценарий. Сроду не училась этому ремеслу, но филологу нельзя падать в грязь лицом перед лицом же молодого поколения. И тут я вспомнила поразившую меня в свое время статью в журнале «Наука и жизнь» об одном биологическом эксперименте на крысах. И работа закипела. Конечно, никакого сценария не получилось, а получилось то, что обычно называют «фэнтези». Сын друзей, критически морщась, выложил сей текст на каком-то сайте, чем дело и закончилось. Прошло, повторяю, много лет, а мне все вспоминался мой далекий опыт прикосновения к чуду писательства.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ В СКАЗКЕ

Фонарь над корчмой «Поросенок и крыса» мотало штандартом потрепанной, но несдающейся армии. Подставить кулак — и осколки стекла дребезжат о камень порога. На дверь жалко пинка. Краткое проклятье — и привратник сдох. Зато пинком — подвернувшуюся под ноги крысу с алебардой в хилых лапках. Больше на пути ничто не маячило. То-то.

ШаэН от стойки смотрела на шагающего к ней верзилу в латных рукавицах, шипастых сапогах и прочем традиционном наряде сильно уважающего себя буси. Впрочем, этот хоть не стал хватать за шкуру и трясти на вытянутой руке. Видно, брезговал. Вон как кривится.

— Ты ведьма?

Смиренно поклониться:

— Я ШаэН, господин.

— Мне твое имя ни к чему.

— Это не имя, это раса, господин.

— Оно и видно... — аж наносник у шлема сморщился от презрения. Еще раз смиренно поклониться.

— В жизни бы в этой дыре... Ладно. К делу.

Впрочем, к делу рыцарь не перешел, а неожиданно задумался. Тоскливо скрипела осиротевшая дверь, Крыс в углу пришел в чувство и заворочался, вспоминая обстоятельства нежданного полета... «Этак скоро рассветет», — улыбнулась про себя ШаэН.

— Нет, я так не люблю, — вдруг заявила ведьма. — Слишком тягучий темп.

И воин вдруг нашел себя стоящим на пороге, под целым фонарем, перед закрытой дверью. «Я ее убью», — ослепило вспышкой. Фонарь — к черту, пинка — двери, крыс под лавкой, эх, хвост далеко, подобрал, — и в три шага к мерзкой харе за стойкой — стоп.

— Стоп, — повторила харя. — С другим настроением, пожалуйста. Мой господин.

И опять перед глазами целая, без царапины, дверь, и привратник как ни в чем не бывало протягивает ручку. Вырвать с мясом.

Но заурядный привратник оказался нерасчленим. Ручка сидела мертво; дверь ни от пинка, ни от всего веса тела не шелохнулась... Человек посмотрел на фонарь — и не тронул. Жалкая стекляшка сейчас вполне могла оказаться алмазным хрусталем.

— И чего ты хотел? — сказали рядом. — Ты шел к ведьме.

Человек понял, что говорит это сам. Вслух. Сам себе.

Он рассмеялся, повернулся к двери и, тронув ручку, легко открыл ее. Внутри было тихо, светло и тепло. Крыс возился за стойкой, сосредоточенно дул в стакан и протирал его тряпочкой. Рядом улыбочиво щурилась женщина. И человек сказал:

— Здравствуй, ШаэН.

СТАНДАРТНАЯ ПРОЦЕДУРА

Потомственная крыса приучена бодро смотреть на жизнь. По-нашему, сегодня всегда лучше, чем завтра и тем более вчера. «Здесь тонкость, — говорила воспитательница-бабка. — Я тебя кусаю — цап! — больно? Значит, сегодня плохо. Но укус был, его больше нет, значит, сейчас лучше, чем было. Ах, болит! Представь, что я не отпустила тебя, а все грызу и грызу, вгрызаюсь и вгрызаюсь... Когда больше, в процессе или сейчас? То-то же. А про завтра я и говорить не хочу. Его люди при-

думали. Завтра моего вчерашнего укуса уже наступило: болит меньше, зато стало обидно, значит, болит сразу в двух местах — где укушено и где обидно».

О том, что случилось, когда крысеныш спросил, не будет ли лучше завтра, вспоминая не хочу до сих пор. Зато крепко понял, что завтра в продолжение трепки столько, сколько вдохов и выдохов, и одно разнообразнее другого. А заодно понял: любое наступившее сегодня лучше отвалившего вчера тем, что очередной кошмар уже пережил и живешь дальше. Ясно? Живешь. «Таким образом, — заключила бабка, — жизнь есть новое ощущение, которое ты переживаешь сейчас».

Вот поэтому я и служу у ШаэН. А не она у меня. Она тоже признает лишь СЕЙ-ЧАС, но кажется, ей все равно, живет она или нет. Иногда ШаэН сжимает сегодня в точку промежутка между вдохом и выдохом. Иногда она растягивает сегодня в такое однообразное се-е-го-о-дня-я, как бабка грозила растянуть свой укус, и завтра никак не может наступить, а вчера не откатывается пережитым, так как нечего переживать. Поэтому я живу, а она есть. Или ее нет.

Сам не понял, что сказал.

Например. Вот она сидит и, допустим, пьет. Что-нибудь. Взгляд тяжелый и бессмысленный, бормочет сама себе, вдруг вить начинает: «а-а-а» — на одной ноте, а будто поет. Приходит клиент. И видит: деловая женщина сосредоточенно что-то читает или пишет, подкрепляя внимание глотком ободряющего. Его коротко и вежливо приветствуют, не спрашивая, дают указания (условия на стене в рамочке изучить, задание в письменном виде сейчас, ответ завтра по паучей связи) — и всего хорошего, чем сможем. Обязательная полуулыбка в начале и в конце, все поползновения излить сюжет пресекаются учтиво, но решительно... Обалдевший клиент уходит неверными стопами ждать решения судьбы, а за его спиной судьба уже снова затягивает свое «а-а-а» через отвисшую губу. А потом ползет спать, задания отнюдь не читая. В таком состоянии читать никто не умеет. Будучи без сознания, не станешь читать даже завещание Билла Гейтса на свое имя. Выпав из одного бессознательного сегодня сразу во второе бессознательное сегодня («Завтра наступит, когда я проснусь», — ее нерушимый принцип), на другой день милостиво разрешает начаться завтра — и приступает к его реализации. Просто читает задание (-ния), тут же выполняет или посылает клиенту решительное «нет» (аргументы за отдельную плату; все соглашаются, потому что хотят знать главный аргумент — степень риска заказчика при упорстве в задуманном), а выполнив все «завтра», опять включает бесконечное «сегодня», но не вчерашнее, а другое, например, идет и полет грядки. Так же механически, как пила, с тем же тупым выражением лица, с перекурами не более пяти минут — до темноты.

Иногда я думаю, что ее деньги равно принадлежат нам обоим. Что бы она делала без меня? Я ее кормлю, я за ней убираю, я отвлекаю клиентов крысиной возней по хозяйству, то подать, то принести, чтобы не задумались, с чего это их так без души встречают. А так ясно: сильно занятая учеными занятиями дама, не в гордыне, просто образ жизни такой. И все по расписанию. Орднунг на чужой территории должно уважать. А от тех, кто не уважает, я ее защищаю, наконец!

Иногда же я думаю, что не согласился бы ни за какие деньги превратить свою жизнь в промежуток между уже и еще или в бесконечно растянутый обморок между явью и завтра.

ПЕРЕД ФАКТОМ

Клиент оказался неграмотным. Пришлось отложить фолиант «AbOvo», и потекла скорбная жля. Хату папаша поставил на краю села; из-за этого всю жисть, сколько помнится, каждый калика переходный норовил попросить водички с голдухи, переночевать только у них. Любой заброда «яйки, курки, млеко» лупил

ножнами или топоричем в их ворота. И сборщик налогов, еще не умасленный выпивкой и подношениями «с дыма», ретиво брался за подсчет именно его, Вавилы Крайнего, доходов. Ну, ладно, собак завел, бумагу «Свободен от постоя» выправил, арифметике научился. И тут, сударыня, не поймите неправильно, ведьма, я извиныте, — последнюю седмицу новая напасть. Аккурат через дорогу к лесу наискосок старое кладбище, там уж не хоронят, а подхоранивают на время, кого с турнира вперед ногами, али вепрь потерзал — надо перележать уговоренный срок, сами знаете; так вот, оттуда вдруг повадился кто-то ходить. И натурально, ко мне на двор, я же рядом! Убытков, правда, не чинит, но каждую ночь то как зверь оно завоет, то заплачет, как дите... На кровлю залезет — соломой так и шуршит, будто клад ему в застрехе накладен. А ну как разроет и провалится в дом?

Вавила Крайний желал крайних мер. Напрасно ШаэН указывала на пункт условий в рамочке (П.3): «Категорически возбраняются действия, каковые могут привести к уничтожению имеющей место быть сущности, как то...» — селянин при виде печатного слова впадал в ступор, а очнувшись, опасливо тянул: «Мы этого не понимаем, неграмотные мы...» — и снова порывался перечислять безобразия ночного гостя. Спровадить его удалось, только пообещав все прекратить. Нынче же ночью.

«Ночью спать надо, — ворчал Крыс, перетгирая тарелки, — когда это вы по кладбищам таскались?» Было видно, как ему любопытно: неужели хозяйка куда-то пойдет и во что-то вляпается? Пришлось его уверить в неколебимости раз навсегда установленного порядка. Крыс тайком разочарованно вздохнул, хотя был романтиком с понятием, то есть понимал, что приключения хороши в книжках, а не наяву. И когда ШаэН, дочитав абзац о трансмутации куриного зародыша в митриловую иглу, собралась уходить к себе, пожелал ей спокойной ночи подчеркнуто торжественно.

Между тем упрямство клиента с фермы спокойной ночи не сулило. ШаэН от природы умела только пускать фантомы, потом научилась нескольким примитивным трансформациям да приемам защиты, перебрасывая себя или других в иное место. Поддерживать репутацию ученой ведьмы приходилось тайной черной работой в стиле «волка ноги кормят». Отсюда и разборчивость в заказах: сил мало, народ кругом лихой, не настроишь этических барьеров, как раз наткнешься на подлинную жуть. А так добродетельную ведьму не обижали: пусть себе лечит детишек да отыскивает загулявшую скотину что об четырех, что об двух ногах.

Видимо, с последним и придется иметь дело. В безвредных упырей ШаэН не верила. Кто-то из своих желал напугать Вавилу до смены места жительства. Своим мог оказаться и небогатый дочкин ухажер с дальних выселок, разработавший с дружкой спектакль спасения семейства неласкового отца с обязательным матримониальным финалом. Да мало ли. Придется посмотреть.

Оставив в постели фантом, ШаэН трансформировалась в небольшое покрытое черной матовой шерстью существо и скользнула в тень Вавилиной хаты, чтобы не маячить под луной.

Хата-нора типичного фермера-хоббита и впрямь имела род застрехи, на ощупь плотно устеленной соломой, чтобы не протекало в дождь. Значит, глубины холма не хватило на полноценное укрытие. Нерадивость хозяина? Однако забор высокий, не колья, столбы, что крепость. Ставни походили на бойничные щиты, дверь окована металлом. Куцый донжон под соломой, ха! И где хваленая охрана?

Отсутствие собак значило только одно: гость уже здесь. Это хорошо. Пусть подаст голос.

Голос был подан так, что ШаэН опрометью кинулась к забору, взлетела по гладким бревнам вверх и, судорожно вцепившись в наверхия колья, сжалась в ко-

мок вздыбленной шерсти. Кровля донжона, вспыхнув разом и беззвучно, пылала вся, теперь треща и прыская искрами на весь двор. ШаэН, оцепенев, ждала дружного вопля из дома. Но дружный вопль хозяев раздался совсем с другой стороны. От соседней усадьбы бежали хоббиты, и впереди всех белый в желтом свете пламени Вавила Крайний. Ее клиент.

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИЙ

В «Поросенке и крысе» был аншлаг. Задние ряды занимали сельчане, в партере мяли шапки сыновья Вавилы-погорельца, на авансцене сам хозяин произносил монолог о великой битве ночного демона и милостивой заступницы нашей, не сказать бы худого слова, госпожи ведьмы на соломенной крыше впотьмах. Кою битву недостойный Вавила сам сподобился зреть от соседей со чады и домочадцы, скотиною, птицею и собаками, сидя на заблаговременно вынесенных пожитках в предвиденье дел той ночи преславных и преужасных. И было им от соседей видение огня колдовского, адского, в коем сгинул заклятый дух, ибо сказано: откуда вышел, туда и вернется...

ШаэН милостиво кивала, толпа восторженно перешептывалась, Крыс за кулисами деловито принимал у жены и дочери Вавилы узелки с натуроплатой. Балаган продолжался не меньше часа, хоббит никак не мог унять в сочинении подробностей и выражении благодарности: перед ним до сих пор вздымалось пламя шапкую под небо, а в выпученных глазах стекленела картина ужасной гибели семейства и добра, если бы не... и далее по тексту. Мысленно он все еще стоял там, у ворот бывшей своей усадьбы, так и не опустив воздетые в ужасе руки — а на встрече из раскаленного зева двора выходила ОНА, в нимбе искр... ах, братья, и описать нельзя, как это было страшно!

Когда наконец все убрались восвосяи, а семейство Вавилы в соседнюю деревню к сватам, строиться подальше от дороги, ШаэН негромко позвала:

— Крыслав, подойди ко мне.

У Крыса вдруг ослабели лапы. «Я так и знал, — бестолково крутнулось в голове, — я так и знал...» Хотя что знал? Ничего он не знал и не понимал с тех пор, как впустил ночью хозяйку в дом через дверь, а она же тем временем спала наверху. Но это ее привели — на почтительном расстоянии — хоббиты из деревни, и это она просидела до утра, откнувшись в окно, в темноту, и не говорила с ним, а теперь — «Крыслав»!

Он сел напротив, и тут ему показалось, что хозяйку знобит. Конечно, показалось — кстати, а куда делась та, вторая? — но он вдруг успокоился. А ШаэН задал странный вопрос:

— Скажи, почему корчма называется «Поросенок и крыса»?

— Ну, наверное, потому что мы всегда здесь служили.

— А поросенок кто?

— Я служил при мистрис Порции. Само собой, в детстве она была поросенком.

— Ты сказал «мы служили». Мы — это ратоны?

— Мы — это наша семья. Папа служил и при мистрис Порции, и при ее деде Порсенне, дедушка Крысмаа — при ее прабабке Поргиане...

— Ну да, корчму не назовешь «Секач и крыс». Или «Хавронья и крыс».

Крыс усмехнулся:

— При деде ее называли «Порги и бес» — за глаза, конечно.

Зря он разомлел.

— Кстати, ты сказал «служили при», а не «служили у». Чему же вы служили поколение за поколением?

Ведьма.

Крыс притворился, что не понял. ШаэН посмотрела на него пристально некоторое время, потом заметила:

— После ухода мистрис Порции ты остался один. Молодой, свободный, в глуши... Тебе за корчму предлагали неплохие деньги — не взял.

— Привык, — коротко отозвался Крыс.

— А меня в хозяйки зачем принял?

На физиономии Крыса было написано: «Большей свиньи рядом не оказалось». Но он угрюмо произнес:

— От вас доход хороший.

— Мгм, из-за меня у тебя ни одного постояльца, только ведьмины клиенты.

— Меньше беспокойства.

— Особенно сегодня. Преданный ты слуга... А если я съеду? Уеду вообще?

— Воля ваша.

— А ты останешься?

— Воля моя.

Видно было, что допрос Крыса не просто раздражал — злил. Еще немного — и он ей нагрубит. ШаэН вздохнула:

— Прости, Крыслав. Не хочешь говорить о себе, я скажу о себе.

— Мне не надо, — тон Крыса был вызывающ до хамства.

— Я же сказала, прости. Но позволь мне рассказать тебе ВСЁ. А там ты решишь, уходить мне, оставаться или что вообще делать.

Крыс чуть с табуретки не свалился. И не только от ее слов, но и от голоса. Было отчетливо слышно, а теперь еще и точно видно: ШаэН трясет.

Посидели, помолчали.

Наконец Крыс встал, налил в стакан воды и поставил перед ней на стойку. Потом опять сел и спокойно сказал:

— Я слушаю.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ СЕАНСА

Молчи, дурак, и впервые в жизни подумай.

Итак, ты — очарованная крыса. Вдруг происходит нечто, что сбивает тебя с толку. Чары спадают, и теперь ты — крыса разочарованная. Как поступают разочарованные крысы, если дудочка фальшивит? Ясно: музыканта в ключья. А если крыса одна? Укусит и убежит. А если крысе убежать нельзя? Постарается напугать крысовода. Пусть он убегает.

А если крыса хочет досмотреть кино до конца?

— Я тебя разочаровала? — осторожно спросила ШаэН.

Крыс пожал плечами.

— Дело житейское. Я и так не умею. Только непонятно, что вы так разволновались?

— В смысле?

— Ну, пожар. Ну, сгорела эта хибара. Все живы-здоровы, претензий никаких, заказ оплачен, рейтинг вырос. Чего трястись, извините за грубость?

— Чего трястись... — повторила ШаэН, недоуменно глядя на Крыса. — Да я испугалась до смерти. Ты представь: все знают, что я должна прекратить гастроли нашего кладбищенского певуна, а вместо того дом горит ясным пламенем. Сбежался народ: где ведьма? А подать ее сюда, и костерок рядом, чтобы кстати жареным запахло!

Крыс опять пожал плечами:

— Ну я точно ничего не понимаю. Зачем тогда к ним было выходить? Р-раз — и

в корчме. Нигде не была, ничего не знаю. Через полчаса явиться к головешке: ах, опоздала! Мои извинения, задаток вам в руки.

Теперь ШаэН его откровенно разглядывала. Как диво какое.

— Дружище Крыс, — слова она выговаривала противно медленно. — Я понимаю, что общение со свиньями даром не проходит. Я должна была там быть, потому что заказ принят. Я могу отбиваться от заказа до последнего, но если он принят, я обязана за него ответить.

— Сколько «я», — пробормотал Крыс. Но он вовсе не был смущен. Он тоже пристально смотрел на ШаэН. — Будьте любезны, возьмите назад свои слова о свиньях. Мистрис Порция была добра ко мне. Это вообще было честное и порядочное семейство.

— Ты прав, — сказала ШаэН, — хотя честное и порядочное — это одно и то же. Слова о свиньях беру назад. Заказ отдать назад не могу.

— И что?

— Придется выполнять.

Крыс третий раз пожал плечами.

— Это у тебя нервное? — ласково поинтересовалась ШаэН.

— Нет, но при чем здесь я? Сначала исполняете романс «Мне уходить или остаться», потом выясняется, что «бежать нельзя запятая стоять» — без вариантов, и при этом просите, чтоб я решал! Что решать? Кому решать? Оно мне надо?

ШаэН сидела и смотрела на разошедшегося Крыса. Вторая ШаэН подошла к нему сбоку и положила ладонь на вздрогнувшее плечо. Третья ШаэН присела перед ним на корточки и, подперев лицо кулачками, с улыбкой заглянула в маленькие сердитые глаза.

Крыс заткнулся.

— Тебе решать, — сказала ШаэН на корточках, — будешь ты мне, маленькой, слабенькой ведьме, помогать или рвите меня, люди добрые, на части!

— Тебе решать, — сказала ШаэН рядом, — служить тебе теперь у меня, или при мне, или вовсе не служить.

— Тебе решать, — сказала ШаэН напротив, — будешь ты мне по-прежнему нянькой и другом или я уйду жить на выселки. Но, знаешь, дело странное, и мне страшновато соваться в него одной.

— Ой, я сейчас прослезюсь, — усмехнулся пришедший в себя Крыс и вдруг подмигнул бывшей своей хозяйке хитрым крысиным глазом.

НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

Земляные хоромы Вавилы без крыши более всего напоминали лабиринт окопов полного профиля, там и сям переходящих в глубокие капониры, из которых торчали зенитки печных труб. Обломки, головешки балок, прах и пепел ШаэН превратила в тополиный пух, закрутила воздух смерчком, втянувшим все это богатство, и послала его подальше, к лесу, — не прорастет, так хоть удобрит. Пока Крыс бродил, озираясь, по нескончаемому траншеям коридоров («Оборону они здесь держать собирались, что ли? Дом как на триста спартанцев...»), ШаэН неожиданно шустро обшмыгала все бывшие жилые и нежилые помещения, явно разыскивая нечто конкретное. Потом загнала Крыса на «кухню», вручила невесте из чего трансформированную лопату и велела рыть: «Где хочешь, но найди мне погреб! Был здесь погреб!» — и, вдруг замерев, пробормотала под нос: «А если не было, то совсем интересно...» — после чего внезапно заторопилась домой, срочно справиться в какой-то книге (Крысу не было сказано, о чем), — и исчезла.

«Партнеры, блин», — не без горечи подумал Крыс и покосился на фантом, остав-

ленный маячить наверху стены («Без меня, Крысик, она немая и бессильная, но в случае чего сигнал подаст, и я тут же прилечу»). Потом прошелся по гладкому земляному полу («Ни щели, ни стока, все утрамбовано...») и наугад ткнул лопатой примерно посреди. Образовалась маленькая выбоинка. Крыс налег — и отколупнул еще кусточек. Великий Лабиринт! Да здесь митриловый заступ нужен... Всю злость на себя, любопытного недоумка, Крыс вложил в слабые лапки, и дело туго, но пошло.

— Здорово, Шлиман! — гаркнули над ухом.

Крыс промахнулся лапой по лопате. Осторожно повернулся на голос и увидел стоящего в двух шагах огромного камышового кота. Тот лыбился во всю жуткую пасть и откровенно наслаждался эффектом. По вертикали скотина была выше Крыса на две головы, а по обхвату шире втрое.

— Не бойсь, — весело сказал кот, — я цивилизованный. Можешь звать меня Мурзик, — и протянул когтистую конечность.

— Но-но, без лап. — Крыс выбрался из полуметровой ямки по другую сторону и вызывающе утердил перед собой лопату. Прямо как рыцарь двуручный меч — мелькнуло нелепое сравнение. Ясно было, что жрать не станут, но как этот Мурзик подобрался?

Фантома наверху не было.

— А, бабу ищешь? Прости, друг, больше ее нет. Пришлось смахнуть с лица Вселенной, — кот картинно повел праздной лапой, но лыбиться не перестал. — Нежить, понимаешь. Не люблю.

«Везет мне на самодостаточных, — констатировал Крыс. — Все мирятся только с тем, что любят».

— А что не любишь, ты всегда так? — спросил он, чтобы не молчать, и повторил котячий жест.

— Всегда, — немедля подтвердил кот. — Но это все фигня и к делу не относится. Что роем?

— Кабы знать, — не стал отпираться Крыс.

— Не понял.

— Вроде погреб здесь должен быть. Но неизвестно.

— Ага, — кот заозирался, — ага, понятно. Правда, должен быть. А если нет, еще интересней.

«И этот туда же», — оторопел Крыс.

— Ну-ка... — кот мановением лапы показал ему убраться в сторону и вперился в вырытую ямку. Пасть его вдруг ощерилась совершенно изуверски, брюхо подбралось, грудь раздулась и опала, и если бы не полное беззвучие, Крыс поклялся бы, что кот издал длинный протяжный вопль.

Земля в ямке затряслась, как просо в сите, посыпалась куда-то вниз — и взорам предстал бездонный обрыв в темноту с идеально ровными стенками.

— Ну вот тебе и погреб, — сказал кот. — Полезай за сметаной.

Крысу все не удавалось проглотить комок в пересохшем горле. Он затряс головой — дескать, дяденька, я пошутил, — и хотел дать деру, но был отловлен за хвост, подтащен к волосатому брюху и ласково к нему прижат смертельной хваткой мощной лапы.

В брюхе урчало.

МЕЖ ДВУХ ВРАЖДЕБНЫХ РАС

Честное слово, я не брыкался. От чудовища так жутко несло котом, что я перестал дышать и, не дожидаясь, пока откусят голову, потерял сознание.

Эк, как красиво. «Потерял сознание». Всего сознания была одна мысль: крантец. Терять не жалко, и я отрубился.

Перед глазами быстро вращалась черно-оранжевая спираль. Потом я понял, что она не перед, а в глазах. Потом услышал сипение, кашель и гнусный кошачий мя-я-ав. Потом ощутил, что лежу на твердом, лицом вверх и весь мокрый. Но глаз открыты не мог. Потом твердое из-под меня рванулось и тут же остановилось. И я открыл глаза.

Какое небо голубое. Какое небо голубое?! Надо мной был выкрашенный васильковой краской потолок моей собственной корчмы! От неожиданности я вскочил и тут же брякнулся назад. Лапы не держали, в голове докручивал круги облинявший волчок. Пришлось переждать, а заодно и подумать. Что-то я часто думать стал. Наверное, ШаэН заразная.

Так. ШаэН. Больше некому. Прилетела, значит, и выдернула из цепких лап смерти. Короче, зашвырнула дурака домой. Где же она сама? Догадаться было нетрудно. Либо не успела, либо...

Я сначала переполз на живот. Потом встал на четыре. Странно, лапы были сухие. Грудь, живот и все остальное тоже. Плевать, то есть, ну и хорошо. С четырех дополз до стула и встал на две. Сел. Встал. Сел. Ничего не кружилось. Потом и лапы перестали трястись.

Я для верности посидел еще немного. Потом встал, пошел за стойку, нашел кувшин, выпил водички из горла, поставил кувшин, вытер усы, зашагал к двери — и только когда привратник услужливо распахнул ее, понял, как со мною было худо. Мир распался на фрагменты, и чтобы сделать хоть что-то, приходилось совершать отдельные движения в отдельных его кусках. Непонятно? Это как если бы сороконожка стала командовать ногам: правая передняя, марш! левая передняя, марш! правая вторая, марш! — и так сорок раз на один шаг.

Я стоял на пороге и не мог охватить всей картины. В ярком свете (неизвестно откуда) вдруг взблеснуло стекло фонаря — а сам он исчез; песчаную дорожку (я видел каждую песчинку) пересекала тень, а дерева не было; над какой-то темной массой слева (помнил, что кусты) проплыл ярко-красный колпак без головы и без человека...

Потом засвистели птицы и зашелестели листья, мир начал оживать и удаляться, и песчинки больше нельзя было различить, зато появилась трава, и кусты засияли пятнышками розоватых цветов, их, видно, рвала девчонка в красной шапке, увидела меня и убежала... и небо было голубым и ясным.

Мир вернулся на место. Пора и мне.

Честное слово, я улыбался, когда шагал к погорелой усадьбе Вавилы. Все было правильно. Значит, все будет хорошо.

К высоченному забору Крыс подобрался огородом и сначала залег в кустах смородины. Никого и ничего. Перебежкой под забор (ни щелочки, ни сучка!) — вроде слышно чье-то бормотание... Осторожно, на цыпочках, вдоль до ворот и одним глазом внутрь.

Пейзаж был тот же. Гостеприимно распахнутая пасть траншеи-входа, подоспавшие земляные стены, истоптанный двор. Бормотание разделилось на голоса, но чьи?

Крыс высунулся подальше — пусто. Неслышным броском ко входу, скользнуть внутрь, замереть в нише (бывшая кладовка?), прислушаться...

Говорили на кухне.

— ...И сколько хочешь можешь причитать, суть дела не меняется. Ни фонетические, ни лексические воздействия не катят.

(Голос ШаэН!)

— Я не знал.

(А этот силпый кто?)

— Но ведь узнал? Зачем усадьбу сжег? (Опа!) С досады? Порезвиться?

— Так это ж лишний а-а-пчхит! Пщ-щит! Фу ты... В смысле, щит.

— Смыслообразующий ты наш... Думал бы больше, здоровье бы сберег.

И свое, и чужое. Как там теперь мой Крысик?

— Не там, а тут. За углом прячется. П-ч-чхи! Уф...

Крыс не успел сообразить, что делать, а ШаэН уже стояла рядом.

— Крыська! Ты как?

— Да я ничего. Вы как?

— Батюшки... — ШаэН вдруг быстро обняла его и тут же отстранила, рассматривая. — Ну, кажется, все в порядке. Пойдем, познакомлю тебя с одним остолопом, — и, ухватив за лапу, потащила за собой.

На кухне, прислонившись к печке, сидел давешний Мурзик. Но Крысу теперь ничего не было страшно, и он увидел, что глаза у kota красные, нос распух и мокро блестел, и вообще весь его победительный вид пришел в некоторую негодность. В лапе Мурзик сжимал белую тряпку, в которую он, видимо, чихал. И это было символично.

— Познакомьтесь, — велела ШаэН.

Теперь почему бы и нет? И Крыс с достоинством произнес:

— Крыслав, ратон из корчмы «Поросенок и крыса».

Мурзик вздохнул и признался:

— Кара-Мурза Кучум-Кильдибаев. Маг на доверии. Гильдия дератизаторов.

Крыс дернулся. От лютой ненависти. Но ШаэН стояла рядом и прочно держала его за лапу.

— Погоди, Крысик. Он нам еще пригодится. — И подмигнула: — Давай я тебе лучше расскажу, почему он такой смиренный.

Оказывается, ШаэН приняла сигнал: фантом уничтожен. Тут же вернулась и увидела все. Единственное, чего не учла, это что Крыс будет все-таки так быстро схвачен («реакция у котяры!»), и в панике успела только превратить его в бурдюк с перцовкой. И когда кот прижал Крыса к себе, то получил в пасть, в нос, в глаза полный заряд ядерной жидкости! До сих пор не прочищается. Бурдюк он, конечно, выронил, и удалось его перебросить и перетрансформировать обратно в милого, славного Крыса, какое счастье, что все обошлось!

Крыс вспомнил свое состояние, но промолчал. Все было правильно. И только странно... нет, хорошо, конечно, однако странно: почему кот не разорвал ее на части? Маленькую, слабенькую ведьму? И теперь, когда она стояла между ним и Крысом и выкладывала порочащую любого kota и мага информацию, лишь смущенно отвел налитые кровью глаза?

Над этим стоило подумать. Но потом. Не настолько же он от ШаэН заразился, чтобы думать при каждом подвернувшемся случае!

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДИЛЕММА

Трое стояли над черной дырой в земле и смотрели вниз.

— Логическая задачка про волка, козла и капусту, — вздохнула ШаэН.

— За козла ответишь, — немедленно включился кот и покосился на Крыса.

Тот проигнорировал. ШаэН тоже на него покосилась и опять вздохнула.

Только что состоялся некрупный, но безнадежный скандал. Тема: кому лезть в провал. Шагнувшую вперед ШаэН одернули с двух сторон: 1) не валяй дурака; 2) я вас первой не пущу. Начавший было творить пассы маг пресечен решительно: 1) ехидным вопросом, что он там собирается делать; 2) ледяной просьбой не размахивать лапами перед носом, а трансгрессироваться куда подальше. Об-

реченное «Ну, я пошел» Крыса откомментировано 1) предложением пристроить ему на спину парашют; 2) ехидным вопросом, а что ОН собирается там делать?

— Вот вы и объясните. Только одну я вас вперед не пущу, — мрачно повторил Крыс.

— Слушай, — оживился кот. — А чего это она раскомандовалась? Аномалию нашел я, и вообще, мы, двое мужиков, можем сами решать, что нам делать. Правильно?

— Правильно, — согласился Крыс. — В смысле, я тоже интересуюсь знать, чего это она раскомандовалась.

— Всегда такая была, — буркнул кот, отворачиваясь от иронически приподнявшей брови ШаэН. — Отличница!

— Где? — не понял Крыс.

— В школе магов, — ответила ШаэН. — Да, отличница. А ты, Мурзик, талант. Поэтому ты ногами по крышам лазил, и добро бы только в марте, а я книги читала. Бездарность и труд все перетрут. Что для тебя аномалия силы, то на самом деле подземный артефакт высокой степени защиты. Признаки описаны в трактате КротобестиИ Мудрого «DEPROFUNDIS».

— А разница? — пожал плечами кот.

— Опять подумай: аномалия силы, доройся до нее хоббиты, просто сплющила бы их на месте. Расстояние до поверхности невелико, иначе дом был бы традиционной норой. А они построились едва ли не как люди. Значит, опасности не было, было неудобство, компенсируемое...

— Защитой, — продолжил кот. — Но тогда за каким они нарыли эти оборонительные сооружения? — и он указал в сторону лабиринта коридоров.

— И почему защита не защитила от тебя? — продолжила ШаэН. — Кстати, ясно, отчего на крышу не тратились, излучение идет вверх. Но как ты подобрался?

«Мои слова», — подумал Крыс и влез с пояснением:

— Видно, эта защита на птиц и скотину не действует.

Кот закатыл глаза и протяжно вздохнул.

— Ну я же тебе объяснил, я маг на доверии! К гильдии приписан из-за расы, при рождении, традиционно! Я цивилизованный! Мурзик я!!!

— Но до смерти пугать умеешь, баек о нем сказала ШаэН. — Крыс, не бери в голову. Я его не видела лет пять, но баек о нем наслушалась на двадцать пять строгого режима. Все вранье и пиар. Выпускники нашей школы убивать могут только для самозащиты. Вот если ты на него нападешь, то может.

— А зачем тогда?..

— Дурак был. Играл. Дико извиняюсь, — отрапортовал кот.

— А тогда зачем вы?..

— Чтобы ты, Крыс, извини, не умер от страха. То есть от разрыва сердца, — виновато сказала ШаэН. — Когда Мурзик играет, это бывает жутковато.

— Гад ты, Мурзик, — констатировал Крыс.

— Ну вот и славно, вот и помирились, — шумно обрадовался кот и, сцепив лапы над головой, затряс в символическом познатиИ дружбы.

«Все-таки кое-что он соображает», — решил Крыс. И предложил:

— Давайте спросим Вавилу. Если его отец до чего-то докопался, он должен знать.

— Правильно! — хором воскликнули ШаэН и кот — и смутились.

Только тут Крыс понял, с чего все эти разговоры вместо дела. Никому из троих до смерти не хотелось лезть в странную дыру.

DEPROFUNDIS. (ИЗ ГЛУБИНЫ.)

Полчаса спустя диспозиция была та же: трое и яма. Попытка допросить Вавилу (увидев материализовавшихся перед его носом ШаэН, кога и Крыса, добрый фермер потерял дар речи и лишь махал руками: чур меня!), как и всякая притянутая за уши отсрочка дела, окончилась пшиком. Всем было неудобно; более не препираясь, они стали над провалом, ШаэН последний раз тяжело вздохнула — и небо над головой сжалось в синий кругляш выхода, а вокруг и, главное, под ногами оказалась та же бесперспективная тьма, как если бы они все еще смотрели в провал. Кот мгновенно окружил всех троих сферой света, и выяснилось странное: они стояли на гладкой черной поверхности, только прямо под отверстием идеально правильным конусом высилась осыпавшаяся земля; стен вокруг не было видно, либо тот же материал, что и на дне, поглощал любой корпускул света; пусто, сухо, тихо — и никаких эмоций.

— Ты защиту чувствуешь? — почему-то шепотом спросила ШаэН.

— Нет, — так же ответил кот. Нагнувшись, он подобрал камешек из кучи и несильно кинул в сторону. На слух совсем рядом, шагах в десяти, раздался звонкий щелчок и стук отскока о пол, более глухой. Кот (меньшая сфера света, отделившись от большей общей, поплыла вместе с ним) пошел в ту сторону — и вдруг отразился весь, но смутно, как в ночном окне, в блестяще проступившей поверхности черного стекла. Медленно, огромным светляком, кот заскользил вдоль, и светляк-двойник скользил рядом, не освещая ничего, кроме себя... И вдруг от двойника осталась лишь половина, вертикально перерезанная черной гладкой стеной. Кот замер. Попытался — двойник вернулся на место. Провел лапой по стеклу до стены — и лапа свободно нырнула в тьму.

— Ребята, ход, — еще более сипло сказал кот и зашарил по невидной поверхности за углом.

— Мурзик, ты что делаешь? — встревожилась ШаэН.

— А...счас...о! — вдруг на прищельцев со всех сторон обрушился свет! — и в яркой тьме зажмуренных глаз сиплый голос наконец объяснил: Выключатель ищут. То есть нашел.

ШаэН и Крыс приоткрыли глаза. Свет, ровный, вовсе не яркий, совершенно дневной, заливал... Что он заливал, сразу было не понять. Стены, стены, стены за стенами, за стенами, все прозрачного стекла, разделенные черными матовыми полосами... нет, делящие черный матовый пол на полосы; входы, выходы, круговерть, круговерть прозрачного-непрозрачного...

— Великий Лабиринт... — потрясенный голос был голосом ШаэН.

Она кинулась к коту, заглянула в стеклянный коридор, бестолково сунулась к Мурзику с каким-то невнятным «ты понимаешь, понимаешь...» — и тут оба замерли и повернулись к Крысу. А он повторил, уже тише, но таким же неестественно спокойным голосом:

— ШаэН, ты знала, что мы найдем?

Невысокий Крыс все так же стоял рядом с конусом земли, неподвижно выпрямившись, сжав маленькие мосластые крысиные кулачки.

— Нет. — ШаэН тоже пристально смотрела на него. — Но... значит, и ты не знал?

— Нет. — Голос Крыса выдохнул это «нет» в каком-то сдавленном отчаянии. — Меня водили сюда только раз в жизни, давно, и другим ходом.

— Из корчмы, — утвердительно произнесла ШаэН.

— Уходите отсюда, оба, — мрачно сказал Крыс.

Тут Мурзика прорвало.

— Нич-чего не понимаю — хрен с ним! Что за стенки, ладно, книг я не читал... (это ШаэН) — но чего ты, добыча мрачных сновидений (это Крысу), разорался, как оракул после взятки? Ты кто здесь командовать?..

И Крыс все так же отчетливо и мрачно произнес:

— Хранитель Великого Лабиринта.

Кот оторопел. Потом ему стало плохо. Он начал задыхаться, хрипеть, перхать — и вдруг нестерпимо, невыразимо облегченно расхохотался.

— Ой... т-твою... хра-хра... ниии... ой, охра... хренов... Что ж ты на фиг охранял? Ой, не могу... Если даже не знаешь, хрю, где охраняемый объект находится? В натуре...

Мурзик вдруг исчез. От грумящегося кота не осталось даже эха. ШаэН повернулась к проему и выключила свет. Потом затеплила мягким оранжевым факелом взятую с собой небольшую палочку и подошла к осевшему на кучу земли Крысу.

— Крыслав, — позвала она.

Тот не отвечал, прижав кулачки к глазам.

— Крыслав, мы уходим. Мы больше никогда сюда не придем. Я клянусь. Пойдем, Крыслав. Мы с тобой должны завалить этот ход, чтобы никто никогда не смог сюда попасть. Никогда. Никакой любопытный Мурзик.

Никакая ученая ведьма. Никто.

Крыслав разжал кулачки, провел лапами по лицу и кивнул. И они исчезли.

СЛИШКОМ МНОГО ТАЙН, или ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ

ШаэН и Крыс уже начали засыпать трансформированным песком щит над провалом, когда явился Мурзик. Мрачнее тучи, весь в кладбищенской земле — ведьма со зла вколотила его среди памятников по пояс, — он взмахом лапы уничтожил их строительные работы, наложил на вход в Лабиринт магический пластырь, положил заклятье «Отведи глаза» (никто теперь не мог бы найти, где было отверстие: стены кухни зыбились, сдвигались, расходились); потом велел всем выйти за пределы ограды и обрушил переборки коридоров и комнат усадьбы на бывшую кухню, засыпав, заровняв и утрамбовав все, что разрыли ретивые хоббиты. Теперь в пределах мощного частогола высилась плотная земляная плешь неизвестного назначения; когда же Мурзик пристроил по обе стороны ворот два идолица поганых из дубового бревна, а на верх плещи, почесав в затылке, водрузил неизвестно откуда скраденный камень с руническими письменами и плоским стесом — явно жертвенник, — любой обыватель поклялся бы, что перед ним капище неведомых богов. А с неведомым связываться себе дороже. Понимающий же человек только сплюнул бы в сердцах и пошел прочь, ибо эклектика выдавала явный новодел и шарлатанство каких-нибудь местных шаманов.

Постояли, помолчали. Как над покойником — подумал Крыс, отвернулся и пошел домой. Через десяток метров оглянулся — ШаэН и кот стояли на прежнем месте и смотрели на него.

— Идемте, — сказал Крыс и зашагал дальше.

В давние-давние времена, когда мир населяли гиганты, а крысы были дикими и глупыми, кто-то придумал такую шутку. В большой стеклянный лабиринт запускали крыс и закрывали вход. Там они бегали до тех пор, пока одна не натянулась на ящик с едой. Лакомый кусочек сам просился в глотку, стоило откинуть крышку. Но стоило откинуть крышку, как все другие крысы в лабиринте начинали корчиться от дикой боли. Потом приходили гиганты, вытаскивали одну сытую

и остальных полуживых и запускали в лабиринт в обратном порядке. И снова: одна жрала, другие дохли. Правда, не до конца. И так каждый день: одна жрала и смотрела сквозь стеклянные стены, как другие дохнут и смотрят сквозь те же стены, как она жрет.

Был среди них крыс именем Ратон. Он часто добирался до еды, хотя и корчиться со всеми тоже приходилось. И вот однажды, добежав до возжеленного ящика, Ратон сел рядом и стал ждать. Скоро прибежал еще один крыс, посмотрел на Ратона — и сел рядом. Затем примчался третий — могучий и ловкий, он впервые попал в лабиринт, но почти преуспел. Новый кинулся к ящику — и был отброшен первым и вторым. Он попытался драться — но добрались четвертый, пятый и помогли скрутить идиота. Когда же все восемь крыс оказались перед ящиком, они выбросили новенького в коридор лабиринта, откинули крышку... И простак поумнел. Правда, только после того, как крышку закрыли и опять открыли несколько раз подряд.

С тех пор игра гигантам не удавалась. Даже когда они переделали устройство ящика так, что еда проваливалась под пол, едва у кормушки собиралось больше трех зверьков. А скоро мучители сами вдруг куда-то исчезли, и при лабиринте остались только поумневшие крысы. Они размножились, разошлись по свету, познакомились с кучей невиданного мыслящего люда и зверья — и только гигантов нигде больше не было. А у лабиринта, названного Великим в честь понятно чего, оставили почетную стражу.

Давно это было. Было, и землей занесло. Остались слухи, потом — только книги да память ратонов, да теперь — лишь один постоянный хранитель, и тот уж хранит не святыню, а дверь.

— Есть в графском парке старый пруд, там лилии цветут... — немзыкально затанул кот, но тут же сам заткнулся, махнул лапой и тянул еще стаканчик.

— Не реагирует публика, — сообщил он. — Привыкла. Кот дурак. Кот неуч. Кот грубая скотина.

— Дератизатор, — разлепила губы ШаэН.

— От кого слышу... — Мурзик засопел. — Мм-да. Крыс, дружище, — ну, собутыльник, собутыльник... История трогательная до икоты, но отчего такая секретность? Можно сказать, впервые на живом материале экспериментально доказаны два положения... — он выставил вперед кулак и разжал один коготь:

— Примо: что Дарвин был дурак и переход количества в качество всегда совершается революционно. Секундо (он разжал второй коготь): что Достоевский, напротив, дураком не был и страдание-таки способно сделать из крысы человека. И что? Где пионеры с цветами? Где ветераны движения со слезой в голосе? Почему, я вас спрашиваю, памятник старины превращен в — цитирую — «подземный артефакт высокой степени защиты» — конец цитаты? — Он грохнул массивной лапой о стойку. — И куда, наконец, провалилась та защита?

— Не наливай ты ему больше, — попросила ШаэН, но Крыс и ухом не повел.

— Пусть пьет, — спокойно сказал он. — Надо же хоть кому-то получать удовольствие от твоего мероприятия.

Кувшин в его лапах вдруг заверещал дурниной:

— Ай-я-я-я-я-яй, дяденька, не лишай меня богатого уютного содержания!..

— Цыц, нежить! — взревел кот и сгреб посудину за горло. Внутри пискнуло и затихло. — Сос-суд скудельный, — мрачно заключил победитель, но пить не стал. Со стуком поставив кувшин на стойку, он развернулся к ШаэН и предложил:

— Пошли отсюда, а? Клятву ты ему дала, я, можно сказать, подписался, ну и пусть себе хранит дальше свою несусветную тайну. Мурзик не трепло.

Крыс усмехнулся. А ШаэН рассмеялась, но как-то невесело.

— Мурзик не трепло, — она погладила надувшегося кота по лапе, — Мурзик просто очень любопытный. Он уйдет отсюда и начнет ДЕЛИКАТНО задавать свои вопросы разным существам — нет, нет, никаких имен и реалий! Так, сбор крысиного фольклора, беседы с архивариусом гильдии под предлогом написания «Легенд и мифов Древней Ратонии»... Мурзик, не буди лихо, пока оно тихо. Страдания вовсе не превратили крысу в человека. Страдания превратили крысу в ratosapiens.

— Ну и что?

— А то, что это единственный пример положительной эволюции. Крыс, я не ошибаюсь? — Крыс помотал головой. — Крыслав на самом деле деликатен. В его истории значительный пропуск. Он не сказал, что в лабиринт запускали и других существ. И они все подышали в муках или убивали друг друга у кормушки.

— Ну и что?

— А то, что крысы оказались единственными, кто предпочитал умереть с голоду, но не мучить таких же бедолаг, как сам. Эту мысль очень трудно вынести, особенно если гордишься древностью расы и благородством рыцарского рода, проведшего весь свой век в драках с кем ни попадя. А ведь крысы такие убогие, совсем недавно из норы вылезли, на них паразиты, они дурно пахнут...

Крыс рассмеялся, а Мурзик третий раз с недоумением спросил:

— Ну и что?

— А то, — терпеливо продолжила ШаэН, — что традиция сбиваться в стаи против чужаков, ведущих себя иначе, чем ты сам, такая же древняя, как традиция считать себя правым, если тебе это выгодно. Были, Мурзик, были и пионеры, и ветераны... Но потом ратонов попросту начали убивать, чтоб не маячили на этическом горизонте.

— И пришлось им все в землю закопать и надпись написать: корчма «Поросенок и крыса», — догадался Мурзик. А Крыс заключил:

— И хозяев под надпись взять. С тех пор мы только слуги. Всегда — лишь слуги.

ШаэН улыбнулась и подняла в его честь стакан. Выпили, однако, без кота. Мурзик, высокомерно задрав правый ус, протянул:

— Гришь, лучше жить на коленях, чем помереть стоя? Да, такое надо прятать куда подальше.

Крыс пожал плечами. Не то что бы ему было все равно, что об этом думает простоватый Мурзик. Просто их род никогда не принадлежал себе. Их род принадлежал заданию: хранить тайну, чтобы ратонов не вздумали опять уничтожать. Дело не сильно обременительное, скучноватое, правда... Было. До сих пор. Вон ШаэН глядит молча, будто хочет, чтобы он что-то объяснял. Можно и объяснить, толку-то?

— Иметь власть, — тихо начал он, — значит водить других на поводке. Сажать в лабиринт и смотреть, что они будут делать. Давать пищу и отнимать пищу. Делать больно и осчастливливать. Все это не обязательно из прихоти. Знаешь, мне кажется, что гиганты проводили какой-то нужный им эксперимент. Я даже допускаю, что целью эксперимента было пробуждение разума и совести у тех, кто на это способен. Но нам было так больно, что мы решили: пусть лучше мир ходит на четырех, но не будет знать этой боли хотя бы от нас.

— Я понимаю, — так же тихо и абсолютно трезво сказал кот. — Я тоже не хочу убивать. Это противно особенно потому, что мне убить легче легкого, я большой и сильный. Но если ты стал слугой, значит, добровольно согласился идти у хозяев на поводке? Разве не так?

— Будь другом, передай кувшин, — попросил Крыс. — Спасибо. Ты только что мне послужил. Как поводок, не жмет?

— Что за чушь! — рассердился кот. — Я не об этом.

— И я не об этом. Просто надо выбирать, кому и чему служишь. Если ты по моей просьбе передашь мне кувшин, а я тебе в ответ велю сказать спасибо, что позволяю служить мне... — кот поднес к его носу внушительную дулю. — Вот-вот. Или наоборот: тебе говорят спасибо, тебя восхваляют за доброту, сетуя на свою немощь, сравнивая себя, маленького и слабенького (ШаэН усмешливо подняла бровь), и тебя, могучего и прекрасного... И вдруг ты, прекрасный принц на доверии Котяра Благородный, обнаруживаешь себя таскающим кувшины и в лавку, и в баню, и на огород. Таскающим радостно, потому что каждому хочется, чтобы хоть кто-то заметил и оценил: я нужный! я хороший...

— Старый Мазай разболтался в сарае, — усмехнулся кот. — Это все дважды два четыре, Крысик. Но твой психологический этюд страдает социологическим кретинизмом. Вот ты служишь князю. И тут на тебе — война. И пошел ты, пушечное мясо, играть в солдатики...

— Я не служу князю, — смиренно отвечивал Крыс. — Я пойду на войну по своей воле, просто потому, что кто-то опять захочет нас убивать. Или корчму мою разорить. Я же Хранитель.

— Хорошо. Вот ты живешь в городе, и мэр...

— Я не живу в городе, — улыбнулся Крыс.

— Но к тебе приходит сборщик налогов!

— Я отдаю ему деньги, а не душу.

— Но закон! — Кот торжественно выпустил когти. — Ты обязан ходить на поводке закона!

Крыс покачал головой:

— Ошибаешься. Это поводок, но не для меня, а для тех, кто хотел бы закон нарушить. Или удавка — для тех, кто его нарушает. Открою тебе страшную тайну, — смеющаяся мордочка Крыса придвинулась к ряшке кота, — закона не существует, пока ты его не преступаешь. Всего и делов.

— Ну и слуги нынче пошли... — покрутил головой Мурзик. — Что-то я не понял, ты сам кому служишь?

Крыс вдруг отвел взгляд и неприятным голосом сказал:

— По договору моя хозяйка — ШаэН.

— Поэтому спрашивай у меня, — отозвалась ШаэН. — И я тебе выдам еще одну страшную тайну: он служит жизни.

Крыс потупил глазки и смущенно заковырял ножкой утрамбованный пол.

ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИА

Когда маг на доверии, последний раз выматерившись в адрес несусветных романтиков, покинул корчму, в ставень тихо заскреблись.

Под окном стоял и мял в руках шапку донельзя виноватый Вавила. Оказалось, что он уже битый час топчется по календуле, выжидая ухода кота. Оказалось, что именно Мурзик — причина того, что он, недостойный Вавила, посмел запереться при их сиятельстве, не считате за дерзость, ведьме. Не велено им, Крайним, с котами общаться, но опасаться пуще любой прочей твари, и лишь потому...

Поток невнятных словоизлияний удалось прервать, только брякнув на стол перед гостем кувшин доброго пенника и миску с пареной репой. Приободрившись угощением, Вавила дошел и до сути. Так что коли светлейшая ведьма, в добрый час будь помянута, больше не гневаются, то имеет он сообщить следующее...

Крыс мыл посуду и вполуха слушал, как его дед договорился с отцом Вавилы поставить хату на неудобном месте, чтобы отвадить почему-то так и норовящих рыть там землю то кладоискателей, то археологов; как условились хоббиты пус-

каты на постой в определенные дни небольшой крысиный отряд, и именно в эти дни нашествие заброд было особенно докучным; как потом все вдруг прекратилось («выдохлось» — сказал отец Крыслава отцу Вавилы — хоббит запомнил, потому что накануне отец Вавилы так же сказал о пиве в забытом бочонке, и вылили его в ближайший овраг)... Потом Крыс отключился и, перетирая тарелки, думал о том, что он смертельно устал, и все это лишнее и уже никому не нужно и не интересно. Загадки разгаданы, тайны раскрыты... в том числе и его сокровенная тайна. И что?

Долг был неотменим, жизнь, как и положено, тоже... Значит, надо перетерпеть сегодня, а завтра не существует.

От этих мыслей стало тоскливо. «Жениться, что ли?» — подумал Крыс и сам подивился пришедшей идее. Дом у него был. Дело у него было. Хозяйка... Крыс посмотрел на любезно прощающуюся с хоббитом ШаэН... Вот хозяйки у него больше не было. Уйдет — и опять ищи какую-нибудь мистрис Порцию... Тогда точно придется жениться, а то со скуки подохнешь.

В последний раз помахав хоббиту ручкой, ШаэН закрыла дверь и посмотрела на часы. Ходики в ответ забомкали десять.

— Вечер, однако. — ШаэН прошла за стойку и потянулась было к одной из своих книг, но раздумала: — Что-то длинный был день. Пойду-ка я спать.

— Вы когда уходите? — спросил Крыс. — Я к тому, что когда вам завтрак подавать?

ШаэН помолчала.

— Ты меня гонишь?

Крыс моргнул.

— Но вы же сами... Вы сказали там, в лабиринте... Что вы и Мурзик... уйдите... Мурзик ушел...

— Размечтался! — рывкнуло за окном. Забухали шаги, и в дверях театрально возник кот: подбоченившись, глаза горят, оскал сверкает. — Чтобы я да ушел на ночь глядя и не подслушав, о чем этот пейзажник без меня толковать будет? Да я бы от любопытства не уснул!

— И что, интересно? — спросила ШаэН.

— Да нет, как оказалось. Как, впрочем, и все эти дела давно минувших дней. Просто... — кот вдруг смутился и едва не заковырял лапой пол, как Крыс недавно. — Просто... можно я с вами пока поживу? А то... мало ли... ну, кто корчму разорить захочет...

ШаэН рассмеялась:

— Мурзик! Да скажи прямо, что тебе с нами хорошо!.. Хотя, вот, Крыс подумал, что я завтра ухожу. Крыс, ведь ты меня не гонишь?

Крыслав серьезно посмотрел на ШаэН, потом на кота.

— Мурзик прав, — сказал он. — Вдруг кто корчму разорить захочет? А то бы я вас, конечно, поганой метлой... — и не выдержал тона, заулыбался широко и счастливо. Все было хорошо, все было просто здорово. Конечно, продолжался долг, конечно, продолжалась жизнь, но рядом были ШаэН и Мурзик, и поэтому — он чувял! — где-то поблизости уже переминались с ноги на ногу НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ! А значит, завтра все-таки существует.

